

НАУКА, ПАРАНАУКА, ИСКУССТВО: МЕХАНИЗМЫ СБЛИЖЕНИЯ

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы науки, очерчиваются основные этапы и парадоксы ее развития. Акцентируется внимание на различиях и моментах сходства науки и искусства, их влиянии друг на друга. Затрагивается вопрос о мифах в науке. Приводятся рассуждения о возможности новой парадигмы в образовании исходя из современного состояния науки и искусства. Задействован богатый эмпирический материал.

Ключевые слова: наука; научный метод познания; искусство; миф; теория; гипотеза; факт; эксперимент; информация; образование.

SCIENCE, PARASCIENCE, ART: MECHANISMS OF CONVERGENCE

T. I. SHAMYAKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problems of science are examined, the main stages are delineated and, in this case, the paradoxes of its development. Attention is focused on the differences and the moments of the convergence of science and art, their influence on each other. The question of myths in science is touched upon. Discussions are given about the possibility of a new paradigm in education, based on the current state of science and art. Rich empirical material is involved.

Key words: science; scientific method of cognition; art; myth; theory; hypothesis; fact; experiment; information; education.

Дело науки – возведение всего сущего в мысль.
А. И. Герцен

Дело науки

В любой работе неизбежны так называемые общие места, т. е. вещи общеизвестные, но необходимые для создания полноты картины. Так и мы должны напомнить некоторые банальные истины, касающиеся науки.

Считается, что научный метод познания зародился в начале XVII в. Тогда возникли науки о природе и тесно связанная с ними математика. В то время отмечалось особое увлечение геометрией. Даже философские сочинения писали в форме теорем с доказательствами – таковы, например, трактаты Б. Спинозы. Но естествознание тогда еще было

описательным. И исторически, и при исследовании каждого конкретного явления научное познание начинается с наблюдения явлений природы и общества, накопления фактов и их описания. Далее – эксперимент, толкование полученных результатов, их объяснение. Это *эмпирическая стадия* научного познания. Следом – *теоретическая фаза*: создание гипотез, теорий, выведение законов.

Науку образуют факты, соотношения между ними и толкования этих фактов и соотношений. Хорошо установленные факты неизменны, а их соотношения и толкования изменяются вместе с раз-

Образец цитирования:

Шамякина ТИ. Наука, паранаука, искусство: механизмы сближения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2018;4:97–108.

For citation:

Shamyakina TI. Science, parascience, art: mechanisms of convergence. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2018;4:97–108. Russian.

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета.

Author:

Tat'yana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; head of the department of theory of literature, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

витиём науки. Безусловно, толкования фактов и их соотношения нельзя абсолютизировать. Примером такой абсолютизации, того, что называется *догматизмом*, может служить теория происхождения видов Ч. Дарвина. Нельзя спорить, что на протяжении полутора столетий она играла свою положительную роль и в определенном смысле двигала биологию вперед, но сейчас она является безусловным тормозом в теории познания, так как представляет собой всего лишь частный случай науки о жизни: эта теория не объясняет появление тех или иных видов, а говорит лишь о том, *что* их сохраняет.

Подобно живым организмам, научные теории постоянно изменяются, совершенствуются, эволюционируют, и только с учетом этого обстоятельства их можно понять в полной мере.

Та *парадигма* науки, которая зародилась в XVII в., сохранилась и в последующем, в том числе в XX–XXI вв. И все же наука в целом и отдельные ее направления развивались бурно. Неизмеримо вырос научный аппарат, охватывая миллиарды и миллиарды фактов эмпирическими обобщениями, гипотезами, научными теориями. В XXI в. стираются грани между науками, ученые часто специализируются не по наукам, а по проблемам. Открытия совершают главным образом не одиночки, а научные коллективы. Однако по-прежнему востребована креативность одиночек.

Еще в начале XX в. наука стала отказываться от некоторых догм механистического XIX в., например от привычных представлений в физике. Считавшаяся высшим достижением в науке теория относительности А. Эйнштейна возникла как раз в тот период в результате пересмотра интуитивного понятия одновременности, существовавшего сотни лет. Тогда же была отброшена как заблуждение теория эфира. Но вот в конце XX в. выяснилось, что «пустота», с которой связывали эфир, – носитель не только электромагнитных волн. В ней происходят непрерывные колебания электромагнитного поля, рождаются и исчезают электроны и позитроны, вообще все элементарные частицы. Пустота оказалась очень сложным физическим явлением. Физики *вернулись* к понятию «эфир», но теперь называют его вакуумом. Причем в наше время вакуум перестает рассматриваться как нейтральная среда, а понимается как праматерия, способная породить самые разные формы. Сегодня и теория А. Эйнштейна, решительно отвергнувшего эфир, считается лишь частным случаем некоего еще не открытого *глобального* закона – мир гораздо сложнее. Вот уж будто бы экспериментально получена скорость выше скорости света, а ее А. Эйнштейн считал предельной.

В наше время многие ранее незыблемые в научном дискурсе идеи переживают явную реформуляцию. В самом деле, накопилось слишком много феноменов, которые не укладываются в общепри-

знанные официальной наукой догмы. Некоторые факты настолько фантастичны, что вообще не находят никакого объяснения. Например, в конце 1980-х гг. на о. Пасхи в Тихом океане австралийская экспедиция обнаружила останки средневекового рыцаря и его коня. Раскопки велись на территории небольшого болота, тела всадника и лошади хорошо сохранились. Судя по доспехам, рыцарь был членом Ливонского ордена XIV–XV вв., в его кошелечке находились золотые дукаты чеканки 1326 г. Как он оказался на самом затерянном из островов в океане? Наука это объяснить не может. И таких фактов, которые ставят ученых в тупик, тысячи.

Вообще же даже коренная научная революция не отменяет более частные законы, если доказано, что они истинны (а истинность проверяется *практикой*). Новая теория переходит в старую в тех условиях, при которых старая была установлена. Общая теория относительности А. Эйнштейна во все не отменила законы И. Ньютона. Взгляды на пространство, время, малые (а не световые) скорости продолжали развиваться и после общей теории относительности. И практически вся современная техника – радио, телевидение, – нынешние химия и биология, даже полеты космонавтов (потому что они проходят на высоте не более 400 км над Землей) обходятся ньютоновскими представлениями о пространстве и времени.

Романтика науки заключается в переплетении и проникновении друг в друга новых и прежних идей. В науке, как и в искусстве, новое не отменяет *красоту* старого, а дополняет ее.

Правда, на пути научного познания таится множество подводных камней. Скажем, далеко не всегда удается повторить эксперимент с известными результатами в химии, физике. А в геологии, астрономии он невозможен в принципе, и здесь необходимо ограничиться наблюдениями, изысканиями – в наше время с помощью все более точных приборов. В психологии, где все объекты отличаются друг от друга, о чистоте эксперимента говорить вообще сложно. Чрезвычайно трудное время ныне переживает история. Она все более фальсифицируется в угоду злободневным политическим задачам. Некоторые страны вообще не имеют научно выверенной истории – преобладают мифы. У людей утрачиваются историческое сознание, связь времен, понимание эпохи, исторического места своей страны и текущих социальных проблем. Под влиянием специфически выстроенного образования, заточенного под один параметр Болонской системы, а также СМИ историческое самосознание современной личности «заменяется любым частным групповым, не имеющим исторической субъектности, – будь то гендерное, сексуальное, возрастное, потребительское или сектантское» [1].

Множество заблуждений возникает в результате поспешных выводов из необдуманных экспери-

ментов. Но что считать убедительным? Верить своим глазам? Фотографиям? Показаниям очевидцев? Иногда без последних не обойтись, скажем, в проблеме шаровой молнии. Но описаний привидений и НЛО от очевидцев уже миллионы. Как относиться к подобным свидетельствам?

Научное познание, наука в целом – явления невероятно сложные. Следует, видимо, если не рассмотреть их специфику, то хотя бы остановиться на некоторых нюансах.

Во-первых, задачи науки лежат на границе между известным и неожиданным, а значит, удивительным. Удивительное – в целом прерогатива мифологии и искусства.

Во-вторых, ясно, что наука, которая вместе с техникой создает нам, современным людям, жизненный комфорт, на самом деле поразительно многого не знает. Ньютон говорил, что деятельность ученого напоминает ему игру ребенка на берегу моря. Время от времени он обнаруживает чудесные камешки и ракушки, в то время как великий океан истины лежит перед ним совершенно неразгаданным. И хотя со времен Ньютона многое изменилось, однако по существу его суждение справедливо и сегодня. Наше знание – всего только островок среди безбрежного океана незнания. Мы, например, не имеем достоверных и однозначных сведений о том, как возник окружающий мир, когда появились живые существа, сам человек разумный или же как образуются галактики, что такое сознание. Мы не знаем причин вымирания многих животных, не представляем, где и как мозг хранит информацию, т. е. как устроена память и т. д. Часто мы даже не знаем, чего же именно мы не знаем.

Причем диалектика развития каждой системы взглядов такова, что в процессе накопления информации вдруг выявляются отклонения некоторых фактов от основ теории. Так случалось в физике, биологии, тем более в гуманитарных науках. Кто-то аномалии отрицает, кто-то не обращает на них внимания, а кто-то создает новые теории.

Для понимания того, что есть наука, бывает важно и необходимо во имя диалектического метода сравнить ее с другой сферой творчества – *искусством*. Между ними есть сходство, но много и различий. Важно, что усилия астрономов и математиков, философов и поэтов сливаются воедино, выявляя все более стройную и величественную картину мироздания.

Наука и искусство близки тем, что их целью является открытие нового, ранее не замеченного. Науку и искусство объединяет стремление к познанию и творчеству. А в творчестве важна роль *интуиции*. Наука и искусство разнятся долей интуиции. В искусстве почти все строится на ней, в науке – лишь часть.

В искусстве верховенство права принадлежит художнику: его можно судить лишь по тем зако-

нам, которые он сам для себя установил и которые он над собой признает. Ученый же руководствуется объективными законами и должен устанавливать объективную истину.

В искусстве речь идет не об отражении действительности (в этом состоит задача науки), а о *моделировании* реальности, т. е. искусство формирует особый мир, причем преимущественно в духовной сфере, в то время как наука и техника направлены, особенно в последнее время, на изменение материального бытия. При этом наука как таковая, несомненно, также явление духовного мира, культуры.

У искусства и науки разное отношение к жизни: наука – основа миропонимания; искусство – основа мировосприятия. В первом случае имеется в виду открытие законов природы и общества, во втором – новое, более глубокое восприятие мира, запечатленного в образах.

Но наука и искусство – явления *одной культуры*. Есть между ними какое-то *внутреннее* сходство в рамках культуры одного исторического периода. Так, живопись Ренессанса – наиболее совершенное из искусств этого периода – выражает то же стремление к свободному познанию реального мира, что и наука той эпохи. Преодоление средневековых догм и схоластики происходило синхронно и в науке, и в живописи. Художники Возрождения по-прежнему, как и ранее, в Средневековье, обращаются к религиозной теме, но религия перестает быть отрешенной от жизни и трансформируется в этико-эстетическую систему, в центре которой находится человек. Конечно, не нужно понимать это слишком элементарно. Скажем, в Сикстинской Мадонне Рафаэля предстают существа неземные, красота Марии фантастична, а взгляд младенца Христа необычайно глубок, всеведущ. Рафаэль выражает красоту и гармонию, которых *нет* на Земле, но есть *мечта* о них. Этой мечтой жили многие художники, часто как бы «подпитываясь» шедевром Рафаэля. Репродукция с Сикстинской Мадонны висела в кабинете Л. Н. Толстого. Ее образ вдохновлял и классика белорусской литературы М. Богдановича. Есть версия, что в известнейшем стихотворении А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» поэт обращается вовсе не к реальной женщине – Анне Керн, довольно легкомысленной, а снова-таки к Сикстинской Мадонне Рафаэля.

Наука и искусство объединяются в творчестве Леонардо да Винчи, считающегося самым удивительным из гениев Возрождения. Он был выдающимся инженером, механиком, физиологом, ботаником, основоположником биомеханики и бионики. И живопись для Леонардо – *универсальное средство* познания природы, подобное математике. Недаром он математически рассчитал и создал в живописи важнейший принцип изображения – перспективу.

Другая важная для становления науки эпоха – XIX в. Многими ее достижениями мы пользуемся

и сегодня; почти все науки в их современном понимании ведут свое начало оттуда. А в целом для науки XIX в. характерна ясность, наглядность, конкретность, соответствие основных научных положений повседневному здравому смыслу. Наука того времени соотносится с *критическим реализмом* в искусстве. При этом реализм русских художников-передвижников и, скажем, французских импрессионистов разный. В России живопись находилась под мощным влиянием литературы, переживающей золотой век. Во Франции живопись оказалась свободна от влияния литературы, тоже преимущественно реалистичной, развивалась независимо и решала собственные задачи, причем импрессионисты опирались главным образом на *физические представления* о спектральном составе белого цвета.

Наука XX в. постигала внутреннее содержание явлений, отказавшись от наглядности и механистичности предыдущего периода. Фотон – одновременно и частица, и волна. Исходя из здравого смысла, понять это затруднительно. Изучение *внутренней сущности*, преодолевающей *внешнюю видимость*, характерно и для людей искусства того времени – постимпрессионистов. Например, П. Пикассо изображает человека одновременно анфас и в профиль, а в литературе господствует символизм, стремящийся через символы открыть именно суть вещей.

Конечно, мы очертили лишь схему. Искусство развивалось отнюдь не прямолинейно, в нем оказывались разные парадоксальные отступления либо забегания вперед. Скажем, явными предшественниками современного постмодернизма являются, как ни удивительно, Франсуа Рабле и новеллисты Возрождения. Вообще искусство не имеет поступательного развития: искусство XX в. не лучше античного, современное искусство не выше древнеегипетского (хотя, конечно, искусство Древнего Египта другое, и в этом прелесть). А наука, как считается, развивалась непрерывно, необратимо наращивая знания. И только сегодня при изучении древних цивилизаций мы вдруг осознаем, как много было утрачено. Все чаще оказывается, что древние владели умениями, нам недоступными. Тайнами остаются для современной науки технологии изготовления дамасских клинков или железной колонны в Дели, которая уже две тысячи лет не ржавеет, методы строительства пирамид, мегалитов, Фестский диск, антикитерский механизм, кубок Ликурга и множество других древних артефактов.

Искусство условно, у него свои специфические законы. Но среди проблем, которые решает живопись, важнейшее место принадлежит проблемам *организации пространства*.

Художники всегда учитывали зрительное восприятие пространства. Фреска Леонардо да Винчи

«Тайная вечеря» передает глубину пространства. Художники разработали линейную и обратную перспективы (последняя характерна для древнерусского искусства). Даже в изображении парадоксального пространства задача эффективно решалась. Например, нидерландский график М. Эшер создавал картины со множеством геометрических «ошибок», но именно они служат источником особой выразительности. Один из создателей оп-арта французский художник В. Вазарели рисовал интересные живописные конструкции, основывающиеся на физиологии зрения, его обманах, иллюзиях, т. е. приемыкающие к научной оптике.

Таким образом, сама условность, плоскостность живописи приводит ее во *взаимодействие с наукой* – геометрией и психофизиологией зрения.

Уже в XIX, а тем более в XX–XXI вв. наука и техника оказывали и оказывают сильнейшее воздействие на искусство, создавая даже новые его виды – фотографию, кинематограф, телевидение, научно-фантастическую литературу. Скажем, жанр литературной фантастики дает возможность взглянуть на многие проблемы, стоящие перед наукой, как на уже решенные, позволяет увидеть какую-либо вековую мечту человечества осуществленной. Основные темы научной фантастики – это новые идеи и самые разные изменения существующего положения вещей. Научная фантастика – всегда живая игра воображения и вместе с тем богатый источник мыслей и идей.

Уже у признанного реалиста И. С. Тургенева есть повести фантастические – об иррациональном в жизни. И в его время, и в советский период писателя даже обвиняли в отходе от реализма, считали, что мистические произведения не делают чести классике. Но что-то же обусловило его обращение в 1864–1883 гг. к таинственным явлениям! Во второй половине XIX в. развитие научного мышления потребовало изучения совершенно неизведанной в то время области – человеческой психики, в частности идеи бессознательного. Ей интересовались разные ученые – медики, натуралисты, философы. Со многими из них И. С. Тургенев был знаком: его письма буквально наводнены цитатами и рассуждениями по поводу этой «проблемы века». Об идее бессознательного рассуждал еще А. Шопенгауэр, мыслитель, наиболее почитаемый И. С. Тургеневым. В XX в. проблема была во многом решена благодаря З. Фрейд и К. Г. Юнгу.

Именно новые научные идеи усилили психологизацию литературы, в том числе произведений реалиста И. С. Тургенева, послужили развитию жанров фантастики и детектива.

Однако и искусство оказывает обратное влияние на науку, особенно в XX–XXI вв. Ведь искусство – своего рода *код*. Разработчики новых кодов в наше время информационной революции мно-

го внимания уделяют проблеме уменьшения избыточности. Борьба с избыточностью – основной закон и в искусстве: «...чтобы словам было тесно, мыслям просторно» (Н. А. Некрасов). Суть образности, основы искусства, – предельная *экономия эстетических средств*. Чрезвычайно лаконично Слово о полку Игореве, при этом произведение максимально насыщено самой разнообразной информацией. В произведениях писателей-классиков каждая деталь играет на целое, каждая из них значима. Проза, скажем, А. С. Пушкина стилистически проста, лишена ненужных подробностей, потому она и сегодня чрезвычайно легко читается, в отличие от произведений писателей – современников Александра Сергеевича. Избыточность в искусстве – это *банальность*: читаешь или смотришь и знаешь, что будет дальше: сюжетные ходы, поступки героев, рифмы ожидаемы.

Проблема *выбора* чрезвычайно важна в литературе XX в. Например, на жесткости выбора строятся многие повести классика белорусской литературы В. Быкова. Принцип передачи информации, основанный на выборе из двух возможных сигналов, издавна использовался художниками. Так, техника офорта, предусматривающая передачу оттенков частотой штрихов, родственна техническому кодированию частоты двоичных импульсов – основы компьютерной техники. Например, в офортах Ф. Гойи из серии «Капричос» оттенки серого передаются частотой и шириной черных штрихов. Гравюра – вообще передача зрительных образов только двумя цветами – белым и черным, что, по сути, представляет собой двоичный код. Гравюра лаконична – в ней минимум избыточности.

Гений в искусстве смотрит далеко, видит вещи, значимые во все эпохи, в том числе в наше время. Если бы только политики к гениям прислушивались! Тургеневский Базаров заявлял: «Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки». Вот на основе такого примитивного рационализма герой романа «Отцы и дети» и оценивает всю сложность жизни, неизбежно упрощая ее. Принцип *дважды два четыре* (цифра) не может не вести к обезличиванию бытия. Устами своего героя Ф. М. Достоевский как бы отвечает Базарову: «...а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти...»

Некоторые художники и писатели одновременно являлись и учеными, например Леонардо да Винчи или И. В. Гёте, основа мировоззрения которых – единство человека и мира. Многие гении искусства, будучи глубокими философами, видели суть не только социальных процессов, как Ф. М. Достоевский, но и конкретных научных, технических достижений. В своих литературных произведениях А. Н. Толстой предсказал лазер, К. Чапек – робота, И. А. Ефремов – голографический снимок задолго до появления голографии. Более 200 технических

предсказаний Жюль Верна даже сегодня не все осуществились. Еще до Второй мировой войны фантасты описали автоответчик телефона, воздушную сушилку для рук, автоматические двери, вездеход, а в 1950-х гг. – пульты управления телевизором, автоматы для обмена денег, ноутбуки и электронные библиотеки.

Немало ученых, в свою очередь, занимались искусством. В творчестве великого М. В. Ломоносова эти сферы культуры вообще сложно разделить. Он был физиком, химиком, геологом, астрономом и в то же время исследовал законы русского языка, писал стихи, в которых нашли отражение его научные идеи. Поэтическое искусство М. В. Ломоносова вбирает в себя данные российских исторических и географических наук, мысли автора о физическом единстве мира. Часть оригинальных научных идей проникали в стихи М. В. Ломоносова из его собственных исследований, другие предшествовали им, а некоторые, оставшись без строгих научных доказательств, сохраняют значение глубоких философских интуиций.

По мнению М. В. Ломоносова, цель познания (и научного, и художественного) состоит в отыскании *внутренних причин* явлений природы. В наше время познание загадок природы, конечно, остается задачей науки, но к ней добавляется также изучение общества и человека – постоянный предмет заботы искусства. Сама наука, включенная в исторический процесс как важнейшая производственная сила, часто оказывается полностью подчиненной *социальным* закономерностям. И вот здесь особенно остро стоит вопрос об *ответственности науки*.

Великие деятели (тот же Ломоносов) считали, что подлинная наука должна облегчить тяготы существования, сделать человека более *счастливым*. Что значит быть счастливым с помощью науки? Она должна служить делу мира – а мы сегодня наблюдаем безумную гонку вооружений; наука призвана дать людям достаточно пищи – а миллионы голодают; обеспечить каждому здоровье – но наше здоровье невыгодно транснациональным фармакологическим корпорациям; дать всеобщее изобилие – однако со вступлением в капитализм, который ныне переживает агонию, мы получили изобилие товаров – и что, счастливы?

Сам взлет науки требует от человека все больших психологических сил. А многие научные исследования просто опасны для всего человечества. Официально объявлен мораторий на некоторые генетические разработки, скажем на клонирование человека. Но можно не сомневаться, что в частных лабораториях опыты ведутся.

Были призывы ограничить, приостановить поступательное движение научных исследований. Такой призыв, например, прозвучал в выступлении бывшего президента Франции Ж. Помпиду на ге-

неральной конференции ЮНЕСКО в 1979 г. Авторитетный политик предупредил, что в соединении с темными человеческими инстинктами научно-технический прогресс может быть возвращением к каким-то новым формам варварства.

Советские ученые также ставили вопрос о коллективной ответственности ученых за негативные последствия научно-технического прогресса. Сейчас об этом не говорят вообще, хотя ясно, что любому научному открытию угрожает *военное* применение. Однако считается, что прогресс не остановить, и он сам себя оправдывает. Между тем задачи науки, о которых мечтали великие мыслители, все больше мельчают. В сущности, наука *полноценно* работает на войну (разные виды войн) и на обе-

спечение все большего комфорта обленившемуся человечеству.

На самом деле, прогресс должен принять новые формы. Так, в *синтезе науки и искусств*, которые вместе открывают *красоту* мира, можно видеть предпосылки формирования новой цивилизации, нового человека. А вопрос о *моральности* науки вообще является на данный момент *главным*, он определяет все дальнейшее развитие цивилизации, ведь мораль научных коллективов напрямую зависит от морали общества. И если в последнее время общественная мораль падает, то аналогичный процесс происходит и в научном сообществе. Однако и ученые способны оказать обратное – положительное – воздействие на мораль социума.

Диктатура мифа

Часто ученые, стремясь опровергнуть оппонента и утвердить свою гипотезу, говорят о псевдонауке, лженауке, иногда – мягче, корректнее – о заблуждениях. Недоказанные гипотезы, неудачные поиски истины постоянны и неизбежны в науке. Впрочем, бывает, наука, как в случае с эфиром, возвращается к прошлым якобы заблуждениям. Вряд ли стоит объявлять любые гипотезы лженаукой и тем более организовывать в академиях комиссии по борьбе с лженаукой, как случалось в СССР и даже в наше время в России. Ведь наука не может развиваться без высказывания гипотез, без их опровержений, создания новых гипотез. Виднейший русский мифолог XX в. А. Ф. Лосев полагал, что вся наука – не что иное, как *мифология*: одни мифы заменяются другими [2, с. 195]. Но данный процесс плодотворен: именно так происходит развитие. Отрицательный результат тоже ведь дает важную информацию – исключает одну из возможностей. Хуже, когда смутную идею объявляют достоверной истинной, а таких «истин», особенно в сфере естественных наук, известно множество. Неслучайно произошло разочарование в них на рубеже XX–XXI вв.

Отличие мифа от науки заключается «в способности воображения»: миф «сам выражен в образе, тогда как положения здравого смысла и аксиомы всегда являются суждениями и находятся в ведении иной познавательной способности» [3, с. 6], т. е. науки. Крупнейший мифолог XX в. Дж. Кэмпбелл показывал роль мифов в развитии и реализации творческих возможностей личности и всего общества, утверждая, что «именно на мифах основаны нравственные устои общества и именно канонизированные мифологии становятся религиями. Поскольку воздействие науки на миф ведет – судя по всему, неизбежно – к утрате морального равновесия, следует заняться вопросом: возможно ли подтвердить жизнеутверждающий характер мифов строго научными средствами?..» [4, с. 14]. Многие исследователи после Дж. Кэмпбелла доказали жиз-

неутверждающий характер мифов и важность их для усвоения основных социальных схем, построения *знаковых систем* действительности и *моделей* окружающего природного и социального мира.

Случается, миф оказывается объективной истиной, доказанной с помощью науки. Так, нельзя отрицать важнейшее значение христианской религии для становления человеческой цивилизации. Между тем в науке Иисус-человек долго считался мифом – в процессе эволюции христианства будто бы происходило развитие образа Христа от Бога к человеку. В советской науке, которая упорствовала особенно долго, христианство рассматривалось как развитие и объединение различных солнечных культов, чьи божества подвергались очеловечиванию на рубеже нашей эры. Однако накопление нового материала во второй половине XX в. (открытие кумранских рукописей, папирусных фрагментов Евангелий, общих законов мифотворчества) доказало *историчность* Иисуса.

В то же время нельзя не заметить наступление не только науки на социальную, бытовую мифологию, но и обратный процесс – влияние мифов на науку. Скажем, основываясь исключительно на недостоверном научном источнике – литературном произведении (Илиада Гомера), которое сплошь построено на мифах, – любитель-археолог Г. Шлиман раскопал Трою. Интенсивные поиски Атлантиды, в том числе даже советскими исследователями, обогатили геологию, океанографию и другие науки. Известный философ XX в. К. Поппер полагал, что наука отличается от мифа своей возможностью опытным путем (через практику, эксперимент) доказать истинность или ложность той или иной теории. Доказать существование или несуществование Атлантиды *пока* невозможно, стало быть, она – миф. Однако вполне вероятно, что миф может оказаться истиной.

Пробудившийся в 1980-х гг. интерес к мифологии как таковой, мифологии как науке – это прояв-

ление сомнений социума в праве официальной науки на монопольное владение истиной. Формируется параллельная наука – паранаука, фактически сбор мифов. С одной стороны, это демонстрация освобождения от схематичного, догматического мышления, проявление большого интереса широкой публики к постижению загадок природы. С другой стороны, паранаучные сочинения, спекулируя на высоком авторитете науки, выступая от ее имени, адресованы и тем, кто с энтузиазмом подхватывает более или менее явно заложенную в них антинаучную пропаганду и делает загадку коммерческим продуктом. Тайны мироздания и человеческой психики – «хлеб» для многих телепередач, журналов, газет, книг разных авторов (Э. фон Деникен, З. Ситчин, И. Прокопенко, Г. Сидоров).

В самом деле, официальная наука не способна разгадать, например, тайну Бермудского треугольника. Пока не способна.

Бермудский треугольник – понятие, которое едва ли не первым из сферы неведомого и таинственного появилось в лексиконе у нас, молодых, еще в 1960-х гг. и стало толчком, породившим страсть к разгадыванию тайн и загадок мироздания.

Вообще-то *парадигма таинственности* совсем не характеризует советский менталитет, даже открыто враждебна господствовавшей тогда идеологии. Ведь считалось, что наука способна все объяснить и доказать, да фактически и сделала это – шла эпоха научно-технической революции. И лучшее подтверждение ее успехов – овладение ядерной энергией и освоение человеком космоса, где лидером являлся как раз Советский Союз. Выработанное в то время безграничное, слепое, некритическое доверие, восторженное отношение к науке сыграли с советскими людьми, особенно на излете СССР, как ни парадоксально это звучит, недобрую шутку, заставляя верить в любую чепуху типа полетов американцев на Луну или благоденствия *всех* при либеральной экономике.

Но ностальгия по СССР, сегодня несомненная, – во многом ностальгия по романтике науки. А романтика науки – это радость поиска, порывы в неведомое, дерзания, горячий энтузиазм в овладении знаниями.

Таинственные события в зоне Бермудского треугольника (регион в Атлантическом океане) обнаружались сразу после открытия Америки. Еще у Колумба не раз отказывал компас, а его моряки наблюдали странное свечение океана. Потом здесь гибли суда. Ясно, что большинство катастроф необходимо списать на бури и ураганы. Но начиная с XIX в. аккуратно фиксируются случаи и необъяснимые. В XX в. добавилась гибель самолетов, подводных лодок. С 1840 г., когда начался официальный отсчет происшествий в этом месте, пропали более 200 летающих и плавающих средств. Причем 15 судов обнаружены в прекрасном состоянии, со всем содержимым, но без экипажей.

Многие ученые и популяризаторы науки стремились проникнуть в загадку Бермудского треугольника, подходя к проблеме очень взвешенно. Они отмечали разные физические процессы в земных недрах, океане и атмосфере, которые могли породить тайны региона. Отношения Мирового океана с атмосферой очень противоречивы и слабо изучены. Здесь протекают процессы, невероятные по масштабам, разнообразию и причудливости проявлений, фантастической сложности. Неслучайно именно в этом регионе ищут затонувшую Атлантиду. Там же находится удивительное, без берегов, Саргассово море с его гигантским водоворотом и «роддомом» для угрей, зарождается мощное течение Гольфстрим, обеспечившее исторический расцвет Западной Европы. Но также здесь (чуть южнее) формируются и ураганы, которые наиболее разрушительными оказываются для островов Карибского бассейна и США.

Однако почему именно в данной акватории происходят такие неоднозначные процессы на границе воды и воздуха? Объяснений множество. Есть и мистические. Так, в СМИ упорно проталкивается версия, изложенная американским «спящим пророком» Э. Кейси, о некоем огромном таинственном кристалле на дне океана, оставшемся от Атлантиды, сильнейшая энергия которого портит навигационные приборы. Вообще Атлантида фигурирует в разных гипотезах очень часто. Якобы атланты уцелели и живут на дне океана. Модной является и версия об инопланетянах: их механизмы якобы негативно воздействуют на соответствующие земные приборы. В самом деле, техника здесь часто выходит из строя.

Фантастические версии, апеллирующие к недоказанным древним цивилизациям, неоднозначным личностям, мистическому опыту, – все это и есть паранаука. Хотя не исключено, что истина гораздо фантастичнее, чем наши фантазии. Однако истина пока официальной науке недоступна.

Таким образом, на примере тайн Бермудского треугольника мы видим формирование самых разных гипотез – как претендующих на строгую научность, так и фантазийных, потому что романтики в мире еще остались. В целом процесс изучения феномена двигает науку вперед, а тайны есть и еще долго будут оставаться неоткрытыми из-за *неразвитости* самой науки. Здесь необходимы очень серьезные, обширные и многофункциональные исследования.

Чудо, тайна, загадка – прекрасный повод для тренировки творческого воображения, проверки своих знаний, собственных способностей.

Более сотни гипотез высказаны относительно так называемого Тунгусского метеорита, вернее, тунгусского дива – мощнейшего взрыва в сибирской тайге 30 июня 1908 г. Ясно, что верна какая-то одна версия удивительного явления (у метеоритной как раз в наше время мало приверженцев), но

зато сколько дерзаний, какой взлет ищущей мысли! Даже генеральный конструктор космической техники С. П. Королев посылал научную экспедицию в район Подкаменной Тунгуски, а не объявлял лженаукой разные гипотезы, пусть даже и любительские, касающиеся феномена. Он понимал, что нужно поддерживать все изыскания, востребованные человеческой любознательностью.

Десятки версий существуют относительно назначения пирамид, которые расположены не только в Египте, Центральной Америке и Китае, а, как выяснилось, по всему миру. Наиболее распространенные версии относительно того, что представляют собой египетские пирамиды, следующие (группируем в хронологическом порядке их возникновения): 1) гробницы фараонов (версия Геродота и всей современной *официальной* науки); 2) памятник величию фараонов (версия Аристотеля); 3) храмы, где начертана вся накопленная древними египтянами мудрость (знаменитый иудейский историк Иосиф Флавий); 4) место прохождения инициаций (посвящений) фараонов и жрецов (версия графа Калиостро); 5) архивы тайных документов и государственная сокровищница (версия римского историка IV в. Марцелина и писательницы-мистика XIX в. Е. П. Блаватской); 6) геофизические маяки – указатели некоего особого места на поверхности Земли, как показали исследования XIX и XX вв.; 7) обсерватория и космические часы с указанием прецессии; 8) памятник, созданный допотопной цивилизацией – Атлантидой; 9) проекция звездного неба, в частности созвездия Орион: вещный знак, оставленный инопланетянами; 10) космодром прошлого – место старта и причала космических кораблей то ли атлантов, то ли инопланетян, то ли пришельцев из параллельного мира либо из будущего; 11) генератор земных энергий для связи с космосом; 12) аппарат для телепортации тел и душ фараонов в Дуат (Иномир).

Как видим, самая современная версия коррелирует с самой первой, античной. Версию Геродота оспаривали неоднократно, тем более когда в X в. вскрыли пирамиды и мумий фараонов там не обнаружили. При этом все исследователи и наблюдательные современные туристы, побывав внутри пирамид, отмечали странные ощущения: им казалось, что они находятся не внутри архитектурного сооружения, а внутри какого-то *прибора*, огромного и безумно сложного. Это породило одну из самых экстравагантных версий последнего времени. Да, пирамиды, – возможно, гробницы, но явно и еще *что-то*. Их можно рассматривать как гробницы лишь до определенного момента в посмертной, так сказать, судьбе фараона и на показ народу. На самом деле особая сила, заключенная в пирамидах, в самой их удивительной *конструкции*, переносила тела и души фараонов в ту область, которую чело-

вечество зовет потусторонним миром, т. е. в иное пространственно-временное измерение, с другими физическими параметрами, частотами. Якобы в Древнем Египте овладели переходом-полетом на звезды с одновременным преобразованием души, но, естественно, право такое получали только избранные, посвященные, образованные, прежде всего фараоны.

Таким образом, пирамиды – *особые приспособления* для связи с потусторонним миром, средство, обеспечивающее превращение человека в бога, а значит, в бессмертное существо. Новейшая из гипотез, претендующая именно на научность, утверждает, что пирамиды – конденсаторы физических энергий, они генерируют энергию буквально из ничего, из пространства. Это устройство, о котором мечтал гениальный Никола Тесла, – передатчик энергии без проводов.

Мифология, существующая вокруг пирамид, чрезвычайно богатая и разнообразная. Здесь перемешаны наука и паранаука, т. е. версии, основанные на реальных фактах, и версии фантазийные. Здесь, как и в любой науке, от одной теории, упрощенной и грубой, мысль движется к более совершенной, точной. Немало гипотез, содержащих в себе долю объективной истины. Видимо, истина сразу не утверждается во всей полноте, а раскрывается постепенно, приближаясь к абсолютному знанию через целый ряд относительных истин.

Каждый шаг в глубь предмета или явления прибавляет все новые и новые зерна истины: может быть, из названных версий относительно пирамид верны не менее половины, т. е. пирамиды – многофункциональны? Но возможно ли исчерпать полностью ту или иную проблему и составить о ней законченное знание?

Существуют абсолютные истины – простые, элементарные. Например, В. И. Ленин умер 21 января 1924 г. Это факт, никто не может его изменить и оспорить. Он – не миф. Но вокруг смерти Ленина создана настоящая мифология, вплоть до того, что, будучи уже смертельно больным и находясь в Горках, он появлялся в виде призрака в Кремле. Налицо настоящий миф, в том смысле как его понимает массовое сознание (ложь), причем бредовый, – случайно он возник в 1990-х гг., «лихих» по падению, деградации *всего* и безумных по фабрикации разрушительных мифов.

При этом, часто разоблачая один миф, мы рождаем другой. Например, швейцарский исследователь Э. фон Деникен, великий фантазер, светоч паранауки, утверждает, что чрезвычайно таинственные геоглифы на плато Наска в Перу (их наличие – факт неоспоримый) – космодром пришельцев. Однако и официальная научная версия – астрономический календарь жрецов, самый большой в мире учебник по астрономии – не выдерживает никакой критики. Это явное заблуждение. Все гипотезы (мифы) ныне

уже не удовлетворяют пытливых людей, и тайна продолжает будоражить умы.

Наука развивалась как непрерывное накопление относительных истин, т. е. мифов. Возводился как бы этаж за этажом. Есть мифы, которые оказались в корне неправильными, – они в конце концов отбрасывались. Практика, новые приборы, в том числе применяемые в изучении пирамид, помогают уточнить познанную ранее относительную истину. Причем нет истины абстрактной. Она зависит от условий, применительно к которым мы рассматриваем то или иное явление или действие. И то, что может быть правильным, истинным в одних условиях, в других оказывается заблуждением, мифом.

Очень часто сравнительно молодая наука – археология – порождает новые загадки или опровергает старые умозрительные теории. Например, у восточных славян дымоходы в печах, согласно официальной версии, стали делать в XVI–XVII вв., а до того топили по-черному. Однако в Уманском районе Черкасской области при раскопках трипольского жилья IV тыс. до н. э. найдены глинобитные печи с трубами. Вообще как для мировой, так и для отечественной науки характерно принижение несомненных достижений наших предков. Так и относительно печей налицо явное заблуждение, опровергнутое археологией, тем не менее оно продолжает широко тиражироваться, а научное открытие замалчиваться. Сотни, даже тысячи неудобных для официальной науки артефактов запрятаны в запасниках музеев и не выставляются. Несомненно, идет фильтрация знания.

Есть заблуждения, которые существовали и считались абсолютной истиной тысячелетиями. Например, астрология. Все мировые владыки, начиная с древнеегипетских фараонов, имели при себе штатных астрологов. Так, при дворе Филиппа Македонского служил под видом астролога свергнутый персами с престола египетский фараон Нектанеб II, который по ночам умел превращаться в огромного змея (символ бога Амона). Это один из мифов о рождении великого Александра Македонского...

Многие наши современники, причем во всех странах, уверены, что астрология – наука, поскольку обладает астрономической обстоятельностью. У нее, как и у любой науки, свои законы, правила, формулировки, система накопления знаний. Даже

А. Эйнштейн считал астрологию наукой. Обращаясь к астрологу за прогнозом (а обращались регулярно даже президенты, скажем Р. Рейган), человек надеется, что уж здесь-то все научно – градусы, дуги, эклиптики, проекции, сложные математические расчеты.

Однако созвездия, по которым проходит Солнце в то или иное время года, – *условности*, воображаемые объекты, виртуал. Так эти созвездия, скажем в виде животных, когда-то кому-то представлялись. Причем на Западе – одни созвездия, на Востоке – другие, привязанные к иной мифологической системе. Значит, это уже не объективная истина. Толкование градусов – результат индивидуального наития того или иного интерпретатора. Или, скажем, индусы в своей символической системе учитывают прецессию (качение планеты по оси своей орбиты на протяжении веков), а вот западные астрологи не считаются с этим важнейшим космическим законом. Разные подходы противоречат друг другу. Но естественно, нигде это не афишируется.

Астрология, безусловно, не наука, поскольку основана она не на материалистической традиции, а на мистике. Для астрологов важны не реальные планеты, а их образы, и под видом логических доказательств, математических расчетов осуществляется, собственно, интерпретация на основе интуиции, вспыхивает озарение, сродни тому, что переживает человек искусства. Например, самый известный в Беларуси и России поэт и общественный деятель XVII в. Симеон Полоцкий при рождении у царя Алексея Михайловича сына Петра составил гороскоп младенца, в котором предсказал многие его свершения. Симеон – чрезвычайно умный и глубокий человек, недаром он являлся духовником царя и воспитателем его детей: он учел социальные и политические закономерности своей эпохи, а характер будущего Петра I просто угадал по наитию, как часто случается у поэтов.

За тысячелетия астрология накопила множество наблюдений, поскольку космос, конечно же, влияет на человека, на целые общества, регионы, на саму Землю, как доказали в XX в. Л. Н. Гумилев с его теорией пассионарности и А. Л. Чижевский, основавший гелиобиологию. Но только влияние планет, звезд, созвездий, видимо, не прямое, а сложно опосредованное, и к постижению этого астрология, как паранаука, лишь приближалась.

Наука, паранаука и образование

В астрологии заключена истина (недаром эта область знаний просуществовала так долго), но истина относительная. Астрология – во многом итог развития философской мысли древности. Она основана на очень важном постулате о единстве мира. Для египетских, индийских, античных мыслителей мир во всем гармоничен. «Что вверху,

то и внизу», – провозглашал Гермес Трисмегист, древнеегипетский бог, почитавшийся даже в раннем христианстве. На герметизме – идее о том, что структура микрокосмоса соответствует структуре макрокосмоса, – основывались учения крупнейших мыслителей – Пифагора, Сократа, Платона, даже основателя формальной логики Аристотеля,

а также произведения литераторов – драматурга Эсхила, поэта Пиндара, прозаика Апулея, ритор Цицерона. В дальнейшем принцип всеединства отстаивали выдающиеся богословы и философы Климент Александрийский, Григорий Нисский, Августин Блаженный, Николай Кузанский, ученые Н. Коперник, Дж. Бруно, Г. Галилей, Парацельс, Э. Сведенборг, М. В. Ломоносов, писатели И. В. Гёте, все романтики, М. А. Булгаков (его роман «Мастер и Маргарита» претендует на синтез разных учений и идей, в том числе мистических, т. е. причислявшихся к паранауке).

Оккультисты монополизировали идею всеединства, положили ее в основу гносеологии, алхимии, астрологии, ересей христианства (богомилы, катары, павликиане и др.) и масонства [5]. На самом деле все не так. Еще за тысячелетия до возникновения науки и философии мифология, как древнейшая философия, народная философия, видела гармонию во всех проявлениях действительности – посредством сети перекрестных взаимоотношений. Согласно мифологическим представлениям, причем у всех народов Земли, одни сущности повторяют и отражают другие, соотносятся друг с другом. Реальность представляет собой находящуюся в непрерывном движении живую картину *аналогий*. Собственно, принцип аналогий, так называемая *трансдукция*, лежит в основе человеческого мышления, деятельности правого полушария коры головного мозга.

Известный английский физик-теоретик Дж. Барроу писал: «Если покопаться в древних мифах, рассказывающих о сотворении мира и судьбах его обитателей, складывается ошеломляющее впечатление, что погружаешься в готовую “теорию всего”. Вокруг царит законченность, уверенность, определенность. <...> Все сущее сплетено в единый голбелен, где все ясно и понятно. Эти древние мифы и были первыми “теориями всего”» [6, с. 14].

Всю сложнейшую сеть аналогий, замечательную симфонию мироздания зафиксировала мифология в миллионах удивительных образов. А далее мыслители и писатели оформили их научно, в том числе теологически, и художественно-системно: И. Кант, Ф. Лаплас, Э. Фламарион, Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, но также и Л. Н. Толстой, Г. Уэллс, В. Я. Брюсов, М. А. Булгаков, К. Г. Паустовский, М. М. Пришвин, В. И. Белов – каждый по-своему – пытались установить космическую взаимосвязь явлений жизни. Но начиналось все от звездных культов далекой древности, лунно-солярных мифов, эллинского учения о космосе, идеи буддистского Востока о бесконечности живого во времени и пространстве, практики китайского фэн-шуй.

В работах Ньютона Вселенная предстала как цельный космический *механизм*, все части которого связаны законом всемирного тяготения. К на-

чалу XIX в. Ф. В. Шеллинг сформулировал положение о всеединстве природы. Затем Г. В. Ф. Гегель рассматривал все явления жизни диалектически, т. е. с точки зрения их собственной связи. Однако наука именно в это время окончательно раздробилась. Видимо, в этом также проявляется диалектика процесса познания.

А затем начинается – на следующем витке развития науки – новое движение к всеединству.

Русский писатель-романтик В. Ф. Одоевский, человек, поражавший современников энциклопедичностью своих знаний, полагал, что ученый, изучающий только одну науку, ее не знает: любой предмет для его понимания требует многих наук.

После В. Ф. Одоевского славянофил И. В. Киреевский, также исключительно глубокий исследователь, заявлял, что холодный, рассудочный анализ, характерный для науки, привел к потере единства представлений о мире. Киреевский едва ли не первым указал на разрыв между рациональностью мира, каким его видело естествознание XIX в., и иррациональностью человеческого Я.

В то время в России возникают новые оригинальные «системные конструкции», например, в химии (Д. А. Менделеев), физиологии (И. М. Сеченов). А в системе любая вещь, явление рассматриваются в их многочисленных связях – только так можно понять, как система развивается и каковы механизмы ее развития.

Характерно, что именно в России возникло явление так называемого *космизма* в творчестве замечательных философов Н. Ф. Фёдорова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, П. Флоренского, А. Л. Чижевского. Неслучайно К. Э. Циолковский считал себя учеником Н. Ф. Фёдорова. Космисты изучали космос как бы изнутри, для их теорий характерен глубокий синтез естественно-научной и философской мысли. Через столетие, на рубеже XX–XXI вв., близким к теории русских космистов оказался *антропный* принцип, проповедуемый нобелевскими лауреатами С. Хокингом и Ф. Д. Дайсоном.

В духе теории космизма о теснейшей взаимосвязи жизни на Земле с широким спектром электромагнитных, гравитационных и других пока не изученных излучений из космоса напомнил К. Э. Циолковский. Ученый был уверен, что множество явлений на планете могут быть поняты только при взгляде на них с «космической точки зрения», так как «люди живут более жизнью космоса», чем жизнью Земли. Недаром так волновал космос наших предков: он бесконечно значительнее Земли по своему объему, массе и времени существования.

Независимо от К. Э. Циолковского его современник В. И. Вернадский создал науку биогеохимию и теорию биосферы, *научно доказав*, что человек и окружающая его среда (область жизни) составляют единство. При этом к утвердившемуся в XIX в. позитивизму В. И. Вернадский относился с недо-

рием, называя его просто схемой. Ученый стремился к *целостному* мировоззрению, создав в своей теории фактически новую парадигму науки.

Причем, в отличие от гениальных прозрений К. Э. Циолковского, В. И. Вернадский сформулировал закон о *космической* эволюции Земли, основываясь на многочисленных данных, касающихся геохимической и биологической истории нашей планеты. В его работах идея о единстве человека и природы получает *научный* фундамент. Вернадский полагал, что «люди живут жизнью космоса», потому что сама Земля – явление космической жизни: «Рождение биосферы можно рассматривать как планетарно-космическую “особую точку” – качественный скачок...» [7, с. 250].

Более того, само человечество участвует в космической эволюции. Таким образом, В. И. Вернадский – создатель самой, по существу, значительной философской теории XX в. – *теории ноосферы*. Обычно, говоря о ноосфере, помимо В. И. Вернадского, упоминают французских ученых Т. де Шардена и Э. Леруа. Однако они в 1922 г. слушали в Сорбонне лекции В. И. Вернадского и сформировали свои взгляды под его влиянием.

Ноосфера – единство двух миров, «которые есть у человека» (Н. А. Заболоцкий), – мира природы и мира культуры. Это творческое воздействие человека на природу. Теория В. И. Вернадского говорит о возможности человечества, его мыслей, труда влиять на процесс *эволюции* Вселенной. Причем В. И. Вернадский ставит вопрос о «едином, “научно-художественном” охвате природы как Целого» [8, с. 253], т. е. утверждает необходимость изменения парадигмы науки, важность доминирования в ней целостного подхода к явлениям природы и функционированию общества, такого подхода, который сочетал бы строго научный, рациональный и *художественный* методы исследования. Ученый был уверен в необходимости соединить разные методы познания действительности и моделирования ее. Сам В. И. Вернадский в поисках целостного мировоззрения и новых методологий обращался к философии, художественной литературе (особенно он любил И. В. Гёте), мифологии. И если ноосфера – *разумная* сторона космоса, то размываются грани между наукой и мистикой, философией и мифологией, но ученый этого не боялся.

Вернадский поставил проблему. Последующие десятилетия подтвердили его правоту, причем нельзя не говорить и о негативном воздействии человечества на природу. Тем более следует помнить о теории русского ученого, о необходимости целостного и любовного отношения к нашему единственному дому – Земле.

На наших глазах ко все большему синтезу стремятся разные виды искусства – в архитектуре, дизайне, театре. Объединяются и науки, тяготеют к сближению наука и искусство. Так, для утверж-

дения подлинности Слова о полку Игореве потребовалась система доказательств из данных самых разных наук – истории, археологии, этнографии, даже биологии. Психология наряду с использованием естественно-научных методов все чаще обращается к достижениям классической литературы с ее исследованием невероятных глубин человеческой души.

В связи с теорией В. И. Вернадского чрезвычайно важно на современном этапе изменение принципов *образования*. Очевидно, что тестовая система, изобретенная для умственно отсталых детей в США, не оправдывает себя. Она возможна в *процессе* обучения, но не для итоговой проверки знаний. Ясно и то, что Болонская система рихтует, фигурально выражаясь, все мировые УВО под один параметр. А между тем у детей, молодежи стремительно утрачивается познавательный интерес, исчезает понимание самоценности знания, замечается нежелание идти в науку, а отсюда – и явный кризис, который наука переживает. Все будто бы науку уважают, наукой клянутся, к ней апеллируют, однако 3 % населения США верят в плоскую Землю, а 25 % жителей России убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли.

Педагогическая общественность видит драматизм ситуации, много и правильно говорит о необходимости перемен, важности углубления научного подхода. Однако на официальном уровне утверждается облегченная модель учебы и требование использования игровых методов в преподавании. Автор этих строк еще с 1980-х гг. широко прибегал к игровым методам. Занятия проходили весело, студентам было интересно. Да только на *уровне* знаний это никак не отразилось. И последующая практика моя и моих коллег подтвердила: разные «завлекаловки» не улучшают качество усвоения материала. Они нужны, необходимы, особенно в практике дошкольного образования, изредка и в школе, университете, но нельзя их делать основным методом. Какие-то базовые истины нужно заучивать так, как заучивают правила дорожного движения.

Без цифровых технологий сегодня, конечно, не обойтись, хотя во многом это возвращение к механистическим принципам XIX в. И вообще, пока человек – не киборг, т. е. не соединен напрямую с компьютером, он должен запоминать большой объем информации *совершенно так же*, как это делали ученики Платона и Аристотеля. Более того, апологетам «цифры», сторонникам дистанционного обучения хотелось бы напомнить известный философский рассказ «Верный вопрос» классика мировой фантастики Р. Шекли. Сюжет его таков: на некоей планете изобрели машину под названием «Ответчик», которая отвечала на абсолютно любой вопрос (вроде интернета). Тут же с других планет полетели к Ответчику. Однако на все вопросы, которые зада-

вали машине, она отвечала: «Вопрос непонятен»; «Вопрос некорректен». В Ответчике – разгадки всех проблем Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. Иначе говоря, «чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа» [9, с. 98]. Стоило бы помнить об этом некоторым чиновникам, стремящимся быстрее загнать нас в «цифру» (а между тем в начале было Слово).

Облегчить процесс познания возможно на путях иной парадигмы обучения. Игровые методы автор понимает как широкое использование *межпредметных связей*. Даже я в своей практике имею опыт объединения художественной литературы и биологии, литературы и религии, языка и психологии, мифологии и физики, мифологии и астрономии. А в преподавании дисциплины «История мировой культуры» вообще прибегала к самым разным наукам. Пусть студенты не все запомнили, но они, по крайней мере, убеждались в красоте мира, богатстве культуры, силе творчества, важности знаний.

Возможно (я лишь ставлю вопрос), стоит использовать и паранауку в преподавании, т. е. излагать по той или иной проблеме не только официальные версии, но и альтернативные? Конечно, подходить к этому следует очень взвешенно и ответственно. Но уж лучше разбирать таинственное и загадочное в мире всем вместе, студентам под руководством педагога, прибегая именно к научным объяснениям, чем верить интернету и желтой прессе.

Целостный подход, за который ратовал В. И. Вернадский, необходим: и потому, что все в мире стремится к связи и интеграции – это и всемирная сеть, и синтез искусств, и открытия на стыке разных наук; и потому, что нужно заинтересовать молодых людей, не топчась на убогой полянке официальных версий, а привлекая самый обширный и разнообразный материал. А главное, потому, что обучение неразрывно с *воспитанием*, а воспитание Человека можно доверить только Человеку, а не машине. Если, конечно, мы хотим воспитать Человека.

Библиографические ссылки

1. Ананченко А. Здесь и сейчас! Зачем вести «летопись» современности. *Завтра*. 2017. 11 августа. с. 4.
2. Лосев АФ. Диалектика мифа. В: Лосев АФ. *Миф. Число. Сущность*. Москва: Мысль; 1994.
3. Козолупенко ДП. *Мифопоэтическое мировосприятие*. Москва: Канон-плюс; 2009.
4. Кэмпбелл Дж. *Мифы, в которых нам жить*. Киев: София; 2002.
5. Бейджент М, Ли Р. *Эликсир и камень*. Москва: Эксмо; 2004.
6. Барроу Д. *Новые теории всего*. Минск: Поппури; 2012.
7. Большаков БЕ. Человек. Энергия. Ноосфера. В: Мочалов ИИ, редактор. *Прометей. Том 15*. Москва: Молодая гвардия; 1988. с. 249–252.
8. Гордиенко ЛН. И образ, и термин. В: Мочалов ИИ, редактор. *Прометей. Том 15*. Москва: Молодая гвардия; 1988. с. 253–256.
9. Шекли Р. *Миры Роберта Шекли. Сборник научно-фантастических рассказов*. Москва: Мир; 1984.

References

1. Ananchenko A. [Here and now! Why conduct a «chronicle» of modernity]. *Zavtra*. 2017 August 11. p. 4. Russian.
2. Losev AF. [Dialectics of Myth]. In: Losev AF. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl'; 1994. Russian.
3. Kozolupenko DP. *Mifopoeticheskoe mirovospriyatie* [Mythopoetic world view]. Moscow: Kanon-plyus; 2009. Russian.
4. Campbell J. *Mify, v kotorykh nam zhit'* [Myths in which we live]. Kyiv: Sofiya; 2002. Russian.
5. Bejent M, Lee R. *Eliksir i kamen'* [Elixir and stone]. Moscow: Eksmo; 2004. Russian.
6. Barrow D. *Novye teorii vsego* [New theories of everything]. Minsk: Poppuri; 2012. Russian.
7. Bolshakov BE. [Human. Energy. Noosphere]. In: Mochalov II, editor. *Prometei. Tom 15* [Prometheus. Volume 15]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. p. 249–252. Russian.
8. Gordienko LN. [And the image, and the term]. In: Mochalov II, editor. *Prometei. Tom 15* [Prometheus. Volume 15]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. p. 253–256. Russian.
9. Shackley R. *Miry Roberta Shekli. Sbornik nauchno-fantasticheskikh rasskazov* [Worlds of Robert Shackley. Collection of science fiction stories]. Moscow: Mir; 1984. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.09.2018.
Received by editorial board 12.09.2018.

Р. С. Один из самых читаемых и любимых авторов нашего журнала, известный белорусский ученый, доктор филологических наук, профессор Татьяна Ивановна Шамякина 8 октября отметила свой юбилей. Дорогая Татьяна Ивановна, примите наши самые искренние поздравления и пожелания здоровья, счастья и радости жизни на долгие годы! Ваша смелость в отстаивании своей позиции, открытость суждений, принципиальность в оценках просто восхищают и служат вдохновляющим примером для наших ученых. Ждем от Вас новых творческих работ и интересных публикаций в нашем издании.

Редколлегия